

**Е.М. ЛЕВИНТОВА
Дж. БАТТЕРФИЛД**

КАК ФОРМИРУЕТСЯ ИСТОРИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ: ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ О НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ¹

Начало XXI в. стало очередным поворотным моментом в системе российского образования, моментом, когда началось осмысление национального прошлого, включая совсем недавнее. Когда закончился период 1990-х гг., появилась необходимость выработки официальной версии оценки этой довольно сложной и неоднозначной эпохи отечественной истории. Процесс создания официально признанной трактовки 1990-х гг. наиболее хорошо прослеживается в школьных учебниках истории, одобренных и рекомендованных Министерством образования РФ и выпущенных уже в «путинский» период. В данной статье мы рассмотрим, как развивался этот процесс и какая официальная позиция сформировалась к настоящему времени.

Существует несколько версий того, как и почему различные общества представляют свою историю в школьных учебниках. С одной стороны, как, например, утверждают Х. Шисслер и Я.Н. Соисал, содержание учебников «субординировано по отношению к конкретным механизмам контроля государства и/или доминирующих элит и является частью процесса формирования нации и лояльных граждан»². Эти же авторы добавляют, что «в учебниках мы обнаруживаем то, что общество желает передать последующим поколениям»³, и поэтому эти исследователи рассматривают учебники и учебные планы как национальные версии исторических событий. Е. Лисовская и В. Карпов считают, что такие учебники являются «культурными феноменами, произведенными коллективно и существующими независимо от индивидуальных взглядов их авторов. По существу, учебники мо-

гут рассматриваться как анонимные продукты институализированного издательского процесса, где авторская идентичность играет лишь незначительную роль»⁴.

Тем не менее все эти авторы отмечают, что и «механизмы контроля», и «институализированные издательские процессы» не чужды влиянию более широкого социального, политического и культурного контекста. Именно в этом контексте и происходит борьба за право формировать историю нации. Историческая память в этом случае состоит в том, чтобы транслировать «политическую повестку дня, которая содержала бы конкретную похвалу достоинствам нации ... или действующего правительства»⁵. А то, что считать достоинствами или недостатками, естественно является предметом дискуссий, которые так часто и разворачиваются вокруг интерпретации истории. Б. Форест, Дж. Джонстон и К. Тилл отмечают, что противостояние идей происходит как внутри властных элит, так и между элитой и общественными группами и что «интеракции между многочисленными общественными группами и элитами, отличаясь по существу и интенсивности в зависимости от контекста, сообща формируют сложную канву исторической памяти, в которой не только интерпретируется прошлое нации, но и предлагаются определенные модели ее будущего»⁶.

Для изучения исторической памяти необходимо «проанализировать, как истории о прошлом формируют и в свою очередь сами находятся под воздействием различных версий исторических событий», поскольку «память о прошлом никогда не может быть личным опытом, она кристаллизуется через семейные рассказы,

¹ Исследования в Москве, послужившие основой для данной статьи, были проведены при финансовой поддержке Университета Висконсина в г. Грин-Бей. Авторы также благодарят Б.В. Дубина, Л.Д. Гудкова и Н. А. Зоркую (Левада-Центр), а также Л.Ф. Борусяк (Высшая школа экономики, Москва) за помощь при проведении этих исследований.

² Schissler, H., Soysal Y.N. 2005. Introduction // *The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition* / Eds. H. Schissler, Y. N. Soysal. Berghahn Books, 2005. P. 1.

³ Op. cit. P. 7.

⁴ Lisovskaya E., Karpov V. *New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks* // *Comparative Education Review*. 1999. Vol. 43. № 4. P. 526

⁵ Hodgkin K., Radstone S. *Memory, History and Nation*. Transaction Publishers, 2005. P. 5 (Цит. по: Tilly, K. 2006. *Memory Studies*. 2006. Vol. 62. № 1. P. 326).

⁶ Forest B., Radstone S., Tilly K. *Post-Totalitarian National Identity: Public Memory in Germany and Russia* // *Social and Cultural Geography*. 2004. Vol. 5. № 3. P. 358.

средства массовой информации, музеи, фильмы и *исторические книги*»¹ (курсив наш.— Авт.). Комментируя борьбу идей в учебниках, Х. Шисслер и Я.Н. Соисал, цитируя Л. Хейн и М. Селдом, утверждают, что «приписывание образованию роли "формирования гражданственности" естественно приводит к борьбе за его содержание»². Действительно, в своем обзоре российских учебников, выпущенных в 1990-е гг., Е. Лисовская и В. Карпов находят «противоречивый набор идеологических символов национализма, западничества и реинтерпретации коммунизма»³. Такой вывод не удивителен, принимая во внимание, что отбор и финансирование издания учебников в 1990-е гг. были децентрализованы до уровня регионов и что издательский процесс вышел из-под советской системы контроля со стороны министерства и стал развиваться по постсоветским рыночным принципам⁴.

Однако с начала XXI в. в России происходит очень осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне. В ходе этого процесса государство «вновь взяло на себя ответственность за сферу образования и стало играть в ней активную роль в целях приведения образования в соответствие с важнейшими требованиями национального развития»⁵. Государство стало настолько озабочено проблемой реформирования исторического образования, что в 2001 г. кабинет министров в полном составе был создан специально для того, чтобы проанализировать содержание учебников и учебных пособий по современной российской истории. Правительство также выразило озабоченность тем, что «в 1990-ых годах в учебниках появилось множество негативных описаний», призвав преподавать историю, способствующую воспитанию «патриотизма, гражданственности, общенационального са-

мосознания, исторического оптимизма»⁶. Действительно, к 2005 г. стандартизация системы образования стала одним из четырех национальных проектов, курируемых Дмитрием Медведевым в его бытность первым заместителем председателя президиума Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов, а затем и председателем президиума этого же Совета. Были приняты и воплощены в жизнь Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2005 гг., Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001–2005 гг.» и Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы»⁷. Процесс централизации отбора и выработки нового официального списка рекомендованных и допущенных учебников был завершён во время первого президентства В.В. Путина, но он начался еще в конце 1990-х гг., когда были созданы первые ежегодные федеральные комплекты официально одобренных и рекомендованных учебников⁸.

Какой же эффект оказала стандартизация отбора учебников на создание официальной и во многом канонической точки зрения на российскую историю, особенно ее первого постсоветского периода? Существует ли среди множества учебников борьба различных подходов к отечественной истории, в частности, по поводу 1990-х гг., или же мы имеем дело с устоявшейся, практически классической версией истории этого периода? Каковы в целом оценки историков описывающих постперестроечное время? Какая картина встает со страниц учебников, положительная или отрицательная, и если превалирует вторая точка зрения, насколько негативно характеризуется интересующий нас период? Ведь не секрет, что именно трактовка постперестроечного периода подверглась наибольшей критике со стороны правительства в 2001 г.

¹ Till K. Memory Studies // History Workshop Journal. 2006. Vol. 62. № 1. P. 330, 338.

² Schissler H., Soysal Y. N. Introduction // The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition. Berghahn Books, 2005. P. 2.

³ Lisovskaya E., Karpov V. Op. cit. P. 523.

⁴ См.: Maier R. Learning About Europe and the World: Schools, Teachers, and Textbooks in Russia after 1991 // The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition / eds. H. Schissler, Soysal Y.N. Berghahn Books, 2005.

⁵ Kiselev A. F. Problems Involved in Overhauling Educational Content // Russian Studies in History. 2004–2005. Vol. 43. № 5. P. 51. См. также: Zajda J., Zajda R. The Politics of Rewriting History: New School History Textbooks in Russia // International Handbook on Globalization, Education and Policy Research. / Ed. J. Zajda. 2005. Springer. P. 713.

⁶ Kiselev, A. F. Op. cit. P. 55, 57, 58. См. также: Khasanova G. Nation-Building and Values in Russian Textbooks // Nation-Building and Common Values in Russia / Eds. P. Kolsto, H. Blakkisrud. Rowman and Littlefield, 2004.

⁷ См.: Eklof B., Shonia O. Old Wine in New Bottles? The National Project on Education // Chronicle of Russian and Eurasian Education (formerly ISRE Newsletter). 2006. Vol. 13. № 1.; Kiselev A.F. Op. cit. P. 51; Children, Education and Health: International Perspectives on Law and Policy. Ashgate, 2005. P. 15.

⁸ См.: Mendeloff D. Demystifying Russian Textbooks // ISRE Newsletter on Russian and Eurasian Education. 1997. Vol. 6. № 1. P. 16–20.

Это отнюдь не вопрос праздного любопытства. Сейчас примерный возраст тех, кто изучал российскую историю по этим официально одобренным и одобренным учебникам — 18–28 лет, это как раз те, кого принято называть первым постсоветским поколением. С какими же трактовками событий 1990-х гг. пришлось столкнуться этому поколению в средней школе при штудировании обязательных учебников истории? Это во многом может объяснить политические предпочтения сегодняшней молодежи, особенно ее политически активной части.

Методы исследования. Многие ученые часто предостерегают, что при исследовании образовательных источников очень важно сделать правильную выборку учебников, т. е., необходимо отобрать среди всей выпускаемой учебной продукции именно те учебники, которые широко используются в большинстве школ¹. Так как в России существует централизованная национальная программа образования и используется система федеральных комплектов официально одобренных, рекомендованных и допущенных учебников, мы ограничили наш анализ именно учебниками из списков этих комплектов за последние 10 лет. В ходе контент-анализа нами обработано 47 учебников, 33 из которых представляют собой оригинальные или значительно переработанные издания учебников по новейшей российской истории. Все они были включены в федеральные комплекты как одобренные и рекомендованные Министерством образования Российской Федерации, что является высшей степенью официального признания². Экземпляры всех рассматриваемых учебников хранятся в Государственной педагогической библиотеке им. К.Д. Ушинского

¹ См.: Woodward A. *The Analysis of Textbooks to Discover Content and Value Changes: Identifying Representative Textbooks*. Paper presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association, N. Y., 1982.

² В своей короткой, но очень содержательной статье Д. Менделофф пишет, что Министерство образования Российской Федерации составляет ежегодные федеральные комплекты официально одобренных учебников, которые затем «должны быть предоставлены учащимся бесплатно, как правило, через школьные библиотеки. Если местная администрация или школа планируют закупить учебники для своих учащихся (а не заставлять учеников самих покупать свои учебники), они должны покупать только издания, включенные в федеральный комплект» (Mendeloff D. 1997. Op. cit. Такая система де-факто исключает менее популярные учебники, которые мало используются в российских школах, делая нашу выборку более достоверной. Подобный подход использован и в работе: Zajda G., Zajda R. Op. cit. Тогда как Г. Хасанова рассматривает учебники по российской истории, опубликованные в Москве, Санкт-Петербурге и в нескольких регионах (Khasanova G. Op. cit.).

(Москва). В нашем исследовании мы анализируем учебники истории для 9 и 11 классов, так как интересующий нас период (1990-е гг.) описывается только в них. Все издания были опубликованы в 1998–2008 гг.

При изучении содержания учебников нас особенно интересовали оценочные интерпретации периода 1990-х гг., т. е. высказывания, которые содержали заведомо негативные или позитивные оценки, а также описания очевидных положительных и отрицательных событий, процессов или их итогов. Так как сами учебники анализируют постсоветский период российской истории по нескольким четко выраженным тематическим разделам (проблемы федерализма и государственности, политическое развитие, экономика, социальные условия, внешняя политика и, наконец, культура, образование и религия) и два четко выраженных хронологических этапа (президентство Б.Н. Ельцина и президентство В.В. Путина), мы следовали той же логике при представлении результатов нашего исследования. Важным моментом является то, что включение описания «путинского» периода в качестве контраста по отношению к 1990-м гг. позволило авторам учебников сравнить эти две эпохи и тем самым усилить негативные аспекты, которые и так уже были отмечены в соответствующих разделах, посвященных истории первого постсоветского десятилетия. Ниже приводятся конкретные результаты нашего анализа.

Результаты контент-анализа. Одним из самых важных выводов является то, что мы не нашли в учебниках как в массиве данных никаких противоборствующих интерпретаций различных идеологических или политических групп, о которых так много писали предыдущие исследователи этого предмета. Официально одобренные учебники обычно содержали очень сходные описания неравномерного развития в это противоречивое десятилетие. Только один учебник — учебник И.И. Долуцкого — несколько отклонялся от «нормы», но он исчез из федеральных комплектов после 2003/2004 учебного года. Если судить о том, что является более важным в преподавании российской истории: борьба различных точек зрения или желание представить единую официально одобренную версию новейшей отечественной истории, то приходится констатировать, что господствует именно последнее.

Хотя среди учебников истории и существуют некоторые разночтения по поводу 1990-х гг., практически все их объединяет очевидное сход-

ство в том, как они сравнивают «ельцинский» период с «путинским». Иными словами, хотя некоторые учебники включали в себя более сбалансированное описание 1990-х гг., даже в них при сравнении первоначального постсоветского периода с последующим развитием событий первый очевидно проигрывает. Без всяких сомнений, более поздний период обрисован гораздо более положительно и только сильнее оттеняет и без того уже отмеченные недостатки, присущие, по мнению авторов учебников, «ельцинскому» периоду. Однако, хотя негативные оценки 1990-х гг. встречались в учебниках в четыре раза чаще, чем положительные, для всех них было характерно включение неких положительных интерпретаций «ельцинской» эры, особенно политических и экономических реформ, произошедших в этот период. Однако в целом «ельцинский» период был чаще всего охарактеризован как противоречивый. С одной стороны, это было время, когда под угрозой были территориальная целостность России и существование самого российского государства, отождествляем с глубоким экономическим кризисом, политической нестабильностью и социальной напряженностью. С другой стороны, этот же период описывается как время демократического прорыва, культурного и религиозного возрождения.

Далее мы представляем результаты контент-анализа по отдельным тематическим разделам и хронологическим периодам.

Государственное строительство в 1990-е гг.: в основном негативные оценки. Шесть учебников отмечают успех в сохранении суверенитета и территориальной целостности России, а также описывают создание новой федеративной модели. Вот одна из наиболее частых характеристик процессов госстроительства в первый постсоветский период: «В 1990-е годы удалось воссоздать Российскую Федерацию, сохранить ее целостность, утвердить новые принципы федеративного устройства страны. Отношения Центра и регионов приобрели более равноправный характер. Эти отношения учитывали тенденции современного развития многонациональных государств. Это был главный итог федеративного строительства»¹.

¹ См.: Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России: XX век – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2005. С. 365–366. Похожие характеристики содержатся и в учебниках: Данилов А.А., Косулина Л.Г., Пыжиков А.В. История России: XX век – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2002. С. 381; Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История отечества. XX век. 9 класс. М., Просвещение, 2001. С. 336; Шестаков В.А. Россия в 1992–1999 гг. Дополнительные материалы к учебнику «История отечества. XX век». 11 класс. М.: Дрофа, 2000. С. 21; Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г.

Тем не менее каждый учебник в нашей выборке содержит развернутые отрицательные пассажи по поводу состояния российского федерализма и госстроительства в 1990-е гг. Гораздо более детальные и убедительные, чем редкие описания успехов, наиболее распространенные образы, встающие со страниц учебников, несомненно очень пессимистичны. Учебники отмечают, что многочисленные угрозы российской территориальной целостности сохранялись. Прежде всего это были первые попытки региональных элит (губернаторов и президентов республик) отделиться от Федерации, а также непрекращающиеся межэтнические конфликты (не ограничивавшиеся только зоной Северного Кавказа). Совокупно эти события, по описанию учебников, порождали страхи, что постсоветская Россия может повторить судьбу Советского Союза². В интерпретации учебников федерация страдала от излишней асимметричности или децентрализации, т. е. ситуации, в которой все уменьшающееся политическое и экономическое влияние федерального Центра фактически поставило его на грань маргинальности³. Выражаясь словами одного из учебников, «снижение экономического и политического значения Центра ослабляло связи между регионами, создавало ощущение, что все вопросы можно решить и без участия федеральной власти. ... Возникла острая необходимость изменения национальной политики»⁴. Тогда как значение демократического Центра уменьшалось, «параллельно на местах складывались региональные авторитарные режимы», «обозначился феномен "региональных владык", когда избранные руководители субъектов федерации стали

Россия и мир в XX веке. 11 класс. М.: 2006. С. 289; Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. История отечества XX века. 9 класс. М.: Русское Слово, 2002. С. 340–346.

² Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 365–366; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2004. С. 340; Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История отечества. XX век. 11 класс. М.: Дрофа, 1998. С. 598–599; Волобуев О.В., Кулешов С.В. История России. XX век. 11 класс. М.: Мнемозина, 2004. С. 289; Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2001. С. 328; Загладин и др. 2002. С. 340; Жарова Л.Н., Мишина И.А. История отечества. XX век. 9 класс. М.: Центр гуманитарного образования, 1999. С. 430; Жарова Л.Н., Мишина И.А. История отечества. XX век. 9 класс. М.: Центр Гуманитарного Образования, 2003. С. 420.

³ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 365–366; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2005. С. 179; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 354; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288; Дмитренко и др. 1998. С. 598–599; Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Дрофа, 2007. С. 295.

⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 366.

превращаться в своего рода слабо контролируемых "воевод", а «одним из серьезных барьеров на пути становления нормальных федеративных отношений стал правовой нигилизм региональных органов власти, несоответствие конституций, уставов и законов субъектов Российской Федерации нормам российской конституции»¹. Все это неизбежно вело, по мнению учебников, к «обострению отношений между центром власти в Москве и регионами» и «усилению роли в политике ... региональных руководителей, которые нередко ставили свои личные и корпоративные интересы выше государственных»². Несколько учебников также отмечают серьезные недостатки Федеративного Договора³.

Но самая главная проблема госстроительства, обсуждаемая в учебниках, это ситуация в Чечне, которая характеризуется как «поражение», «неумение Центра удержать власть ... , которое вдохновило сепаратистов», «крупнейшая военная конфронтация в истории страны со времен Великой Отечественной войны», «затяжная кровопролитная война, сказавшаяся на всех сторонах жизни», «затянувшаяся война, стоившая огромного числа жизней», как период «государственного бессилия», «серьезного ухудшения политической ситуации в России», как «позор России, ее президента, вооруженных сил», «наибольшая угроза территориальной целостности России», «самое сложное испытание», «самая серьезная проблема политического развития России», «наиболее болезненная проблема для нового режима», «национальная трагедия», «самый крупный со времен афганской войны просчет руководства страны», и просто как «ошибка»⁴. В нескольких случаях

авторы учебников даже обвиняют федеральное правительство в непоследовательности, плохом планировании, недооценке противника и скропалительных действиях под предлогом проведения «небольшой победоносной войны», а также в непродуманных политических решениях после Хасавюртовских соглашений⁵. Кроме того, в учебниках описывается возникновение де-факто неуправляемого государства на южных границах России (сохраняющееся насилие, тренировочные лагеря террористов, радикализация ислама, сепаратизм, похищения, торговля оружием, разрушенная экономика) как одна из наиболее серьезных неудач российского государства на Кавказе⁶.

Демократическая политика в 1990-х гг.: неоднозначные оценки. В 13 учебниках отмечены углубление процессов демократизации в России в этот период, ее приверженность демократическому пути, успехи в институциональном дизайне, возникновение системы разделения властей, многопартийности, парламентаризма, местного самоуправления и новый уровень гражданских прав и свобод, не только гарантированных новой Конституцией, но и существующих на практике. К примеру, авторы учебников утверждают, что «главным итогом внутривнутриполитического развития России в 90-х гг. было создание демократического государства, разрушение тоталитарной структуры» и, что «к концу [1990-х гг.] сказались первые результаты модернизации общества как политической (парламентаризм, выборность губернаторов, мэров, региональных законодательных органов, многопартийности), так и экономической»⁷. Россия смогла «удержаться на пути демократических реформ» и «продолжала следовать

¹ Долоцкий И.И. Отечественная история. XX век. 11 класс. М.: Мнемозина, 2002. С. 247; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 279–280; Пашков Б.Г. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2002. С. 396–397.

² См.: Загладин и др. 2002. С. 339; Киселев, Попов. 2007. С. 295.

³ См.: Дмитренко и др. 1998. С. 598–599; Пашков. 2002. С. 383; Волобуев и др. 2001. С. 328; Загладин и др. 2002. С. 340; Жарова, Мишина. 2003. С. 420.

⁴ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 366; Данилов, Косулина. 2005. С. 179; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 381; Шестаков, Горин, Вяземский. 2001. С. 343 (похожие характеристики присутствуют и в учебниках: Шестаков. 2000. С. 25; Чубарьян А.О. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2007. С. 247); Сухов В.В., Морозов А.Ю., Абдулаев Е.Н. История России. 9 класс. М.: Мнемозина, 2004. С. 326–327; Левандавский, Щетинов. 2004. С. 340; Данилов А.А., Уткин А.И., Филиппов А.В. История России 1945–2007. 11 класс. М.: Просвещение, 2008. С. 276–277; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Долоцкий. 2002. С. 244; Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. История XX века. 11 класс. М.: Веди-Принт, 2002. С. 284; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 290; Волобуев и др. 2001. С. 329; Загладин и др. 2002. С. 341–342; Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс.

М.: Дрофа, 1999. С. 458; Островский В.П. История России. XX век. 11 класс. М.: Дрофа, 2004. С. 457; Жарова, Мишина. 1999. С. 433; Жарова, Мишина. 2003. С. 420–421.

⁵ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 326–327; Шестаков. 2000. С. 23–24; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 275, 276–277; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Долоцкий. 2002. С. 244; Пашков. 2002. С. 383; Волобуев и др. 2002. С. 287; Волобуев О.В., Кулешов С.В. Россия в постсоветский период. 90-е годы XX века – начало XXI века. Дополнительные материалы к учебнику-практикуму «История России. XX – начало XXI века. 11 класс». М.: Мнемозина, 2002. С. 24; Волобуев и др. 2001. С. 329; Загладин и др. 2002. С. 342; Островский. 2004. С. 458; Жарова, Мишина. 1999. С. 432–433; Якеменко Б.Г. История отечества, часть II: 1940–2003. 11 класс. М.: Центр гуманитарного образования. 2003. С. 242.

⁶ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 329–330; Чубарьян. 2007. С. 247; Левандавский, Щетинов. 2004. С. 349; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Пашков. 2002. С. 396–397; Киселев, Попов. 2007. С. 269.

⁷ Якеменко. 2003. С. 259; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 352.

по пути реформ и демократического развития»¹. Авторы одного из наиболее популярных учебников, который переиздавался уже четырежды, упоминают прекращение партийного контроля над средствами массовой информации, возникновение новых частных телевизионных каналов (РЕН-ТВ, НТВ и т. д.), коммерческих радиостанций и множества новых газет и журналов в качестве примеров важнейших демократических завоеваний 90-х². Принятие новой Конституции оценивается в учебниках как «важнейший этап демократического обновления России»³. Новая демократическая Конституция является, по мнению авторов учебников, не только «значительным шагом вперед», так как она стоит «в одном ряду с законодательствами правовых государств цивилизованного мира» и является документом, в котором «впервые в истории России ... уровень гарантируемых прав и свобод человека, механизм их защиты соответствует современным международным стандартам ... и утверждён принцип современного парламентаризма — принцип разделения властей»⁴. Новая политическая система, согласно оценке авторов, также послужила минимизации политических конфликтов⁵.

С другой стороны, в учебниках обсуждается политическая поляризация, конфронтации, противостояние внутри правящей элиты, конфликты и политические протесты (наиболее часто в этом отношении упоминаются события 1993 г.), которые характеризовали 90-е гг.⁶. Согласно авторам одного из учебников, «в российском обществе [не было] ... национальной идеи или идеологии, которая могла бы сплотить народ и власть»⁷. Еще одним критическим

замечанием, высказанным в учебниках, является дефектный институциональный дизайн, в котором прерогативы президента доминируют над всеми другими, тем самым позволяя ему нарушать Конституцию безо всяких юридических последствий. Кроме того, авторы обращают внимание на слабое развитие партийной системы и гражданского общества⁸. Также упоминается использование грязных технологий в политических кампаниях 1990-х гг., которые привели к тому, что «СМИ подчас превращались в механизм ... манипулирования в "нужном" русле общественным сознанием»⁹.

В качестве еще одной отрицательной характеристики 1990-х гг. несколько учебников упоминают слабое здоровье президента Ельцина, его частое отсутствие на политической арене¹⁰. Другие учебники описывают общую политическую нестабильность, частые политические скандалы и внезапные изменения в правительстве (по словам авторов нескольких учебников, это был период «министерской чехарды»)¹¹. По мнению других авторов, наиболее серьезной проблемой, однако, являлось то, что в 90-е гг. политика велась в узких личных интересах, что, соответственно, вело к конфликтам на политической сцене и усиливавшемуся влиянию олигархов и различных лоббирующих групп в средствах массовой информации, особенно во время выборов, не редко приводя к узурпации политической власти в стране различными кланами. «Такую систему шантажа и контроля над государством со стороны олигархических средств массовой информации, действовавших в интересах отдельных групп людей, необходимо было разрушить»¹². Не удивительно, что те же самые учебники упоминают также и коррупцию, неэффективность государственного регулирования, ослабление законности, вакуум власти и появившуюся возможность, воспользовавшись слабостью государства, приобрести

¹ Загладин и др. 2002. С. 338, 346.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 359.

³ Дмитренко и др. 1998. С. 613.

⁴ Шестаков. 2000. С. 9–10, 11. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 352; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 367; Данилов, Косулина. 2005. С. 169; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 340, 358; Дмитренко и др. 1998. С. 613–615; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 22–23; Жарова, Мишина. 1999. С. 430; Киселев, Попов. 2007. С. 271, 295.

⁵ См.: Островский, Уткин. 1999. С. 455; Островский. 2004. С. 449–450.

⁶ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 337–341; Шестаков. 2000. С. 7, 15; Чубарьян. 2007. С. 243; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 267–268, 288; Дмитренко и др. 1998. С. 606, 607–613; Волобуев и др. 2002. С. 289; Волобуев и др. 2001. С. 318, 321, 326, 336; Пашков. 2002. С. 386–387, 392; Загладин и др. 2002. С. 333–335, 336, 344; Загладин Н.В., Симония А.А. История России и мира в XX веке. 11 класс. М.: Русское Слово, 2006. С. 409; Островский, Уткин. 1999. С. 450–451; Островский. 2004. С. 448; Жарова, Мишина. 1999. С. 422, 424, 427–428; Жарова, Мишина. 2003. С. 417; Киселев, Попов. 2007. С. 270; Якеменко. 2003. С. 250, 252–253, 254.

⁷ Жарова, Мишина. 1999. С. 427–428.

⁸ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 325; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 267–268; Дмитренко и др. 1998. С. 607–613; Пашков. 2002. С. 395; Загладин и др. 2002. С. 335, 336; Островский. 2004. С. 450; Жарова, Мишина. 2003. С. 419.

⁹ Волобуев, Кулешов. 2002. С. 23. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 328.

¹⁰ Долуцкий. 2002. С. 248; Волобуев и др. 2001. С. 326; Загладин и др. 2002. С. 344; Жарова, Мишина. 2003. С. 421.

¹¹ См.: Волобуев, Кулешов. 2002. С. 24; Островский, Уткин. 1999. С. 457; Якеменко. 2003. С. 257.

¹² Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 314. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 225; Шестаков. 2000. С. 17; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 278; Долуцкий. 2002. С. 227; Жарова, Мишина. 2003. С. 419, 421; Киселев, Попов. 2007. С. 295.

госактивы по номинальной цене¹. Несколько учебников даже упоминают все возрастающий авторитаризм президентства Б.Н. Ельцина, его отход от демократических идеалов, компромисс со старыми коммунистическими элитами и предательство демократической коалиции, первоначально приведшей его к власти². Неизбежным итогом политического развития России в 90-х гг., как оно предстает в учебниках, стало отсутствие общественной поддержки проводимых реформ, разочарование населения, его апатия, отчуждение от власти и бойкотирование выборов³.

Экономическое развитие России в 1990-е гг.: чрезвычайно негативные оценки. Дискуссии на экономические темы доминируют в описаниях 1990-х гг. Хотя экономические реформы трактуются чрезвычайно негативно, в 21 учебнике все-таки содержатся короткие положительные пассажи. Так, несколько авторов упоминают, что, несмотря на высокую социальную цену реформ, «предпринятые правительством шаги дали и немалый положительный результат» и что «решительные и последовательные преобразования», «во многом оказались спасительными для экономики страны»⁴. В частности в учебниках приветствуется приватизация, создавшая важный класс бизнесменов, акционеров, банкиров, менеджеров, специалистов по связям с общественностью и в целом — средний класс. В них также одобряется либерализация цен и торговли, как создавшая конкурентные условия и другие основы рыночной экономики и устранившая вечный дефицит и очереди, тем самым опустив цены на товары широкого потребления, сделав их повсеместно доступными. Все эти перемены во многом позволили «избежать всеобщего распада и социального взрыва»⁵. Учебники также отмечают экономи-

ческую стабилизацию, рост золото-валютных резервов и успехи страны в сохранении стратегических отраслей промышленности под национальным контролем⁶. Еще одним позитивным изменением считается создание новых финансовых и экономических институтов, включая банки, биржи и ипотечные компании⁷. В целом учебники очень позитивно оценивают и экономическое развитие после дефолта 1998 г., отмечая возросшую конкурентоспособность российской экономики⁸. Наконец, два учебника, включая наиболее либеральный, утверждают, что экономическая трансформация в 90-х гг. пользовалась поддержкой населения⁹.

Наиболее интенсивные дискуссии на тему 90-х гг., однако, касаются провалов российских экономических реформ. Все учебники в нашей выборке начинают описание 1990-х с комментария об экономических трудностях и о высокой социальной цене реформ. Так, «болезненный» является одним из наиболее распространенных эпитетов, используемых при описании экономических условий этого периода. Стратегически, именно в это время, как утверждают авторы одного из учебников, «Россия перестала быть одним из глобальных лидеров экономического и социального развития»¹⁰. В числе наиболее распространенных критических высказываний упоминается ухудшение жизненных условий большинства населения и возникновение новых социальных проблем, включая рост цен вследствие торгового дефицита, инфляции, обесценивания накоплений населения, сокращение потребления пищевых продуктов, невозможность приобретения даже самых необходимых товаров и услуг, кризис неплатежей, невыплата зарплат и пенсий, сокращение заработной платы, безработица, бедность, увеличение бедности и абсолютной бедности (до 90% населения), сокращение доходов на душу населения, социальная стратификация и неравенство, возникновение «новых

¹ См.: Чубарьян. 2007. С. 240; Долоцкий. 2002. С. 242, 255; Загладин и др. 2002. С. 334; Жарова, Мишина. 1999. С. 420.

² См.: Долоцкий. 2002. С. 255; Дмитренко и др. 1998. С. 594–595; Жарова, Мишина. 2003. С. 419.

³ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 342; Шестаков. 2000. С. 15; Островский. 2004. С. 450.

⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 341; Шестаков. 2000. С. 42; Загладин и др. 2002. С. 329. См. также: Данилов, Косулина. 2005. С. 166; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 360.

⁵ Островский. 2004. С. 466. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 342; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. 9 класс. М.: Просвещение. 2001. С. 323, 325; Данилов, Косулина. 2005. С. 166; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 335, 347; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316; Шестаков. 2000. С. 42, 46, 49, 132; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 33; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2003. С. 293; Чубарьян. 2007. С. 240; Волобуев и др. 2002. С. 278; Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. История XX века. 11 класс. М.: Веди-Принт, 2005. С. 270; Волобуев,

Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271; Волобуев и др. 2001. С. 333; Загладин и др. 2002. С. 329; Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2007. С. 294, 333; Островский. 2004. С. 464, 467, 471; Жарова, Мишина. 2003. С. 407; Киселев, Попов. 2007. С. 276.

⁶ См.: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 358; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 282; Загладин, Симония. 2006. С. 407.

⁷ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 335, 345; Шестаков. 2000. С. 135.

⁸ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 346, 360; Чубарьян. 2007. С. 240; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 287; Загладин и др. 2002. С. 346.

⁹ См.: Долоцкий. 2002. С. 227; Шестаков. 2000. С. 281.

¹⁰ Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308.

русских», исчезновение среднего класса и ухудшение криминогенной ситуации¹. В нескольких учебниках также выражена обеспокоенность продолжающимся демографическим кризисом, в результате которого естественная убыль населения в 1992–1995 гг. составила примерно 2,7 млн. человек, а «к концу 90-х ... более 1 млн. человек в год», так что за первое постсоветское десятилетие было потеряно более 10 млн. населения. Эти же учебники отмечают, что уровень смертности превысил уровень рождаемости, все показатели здоровья нации ухудшились, а продолжительность жизни сократилась². В качестве причин такого ухудшения учебники приводят сокращение государственного финансирования социальной сферы, включая общественный транспорт, образование, медицинское обслуживание, спортивные объекты, санатории и молодежные клубы, а то и просто уход государства из этой сферы, что неминуемо привело к ее полному коллапсу³.

Кроме социальных проблем, вызванных экономической трансформацией, учебники упоминают и спад промышленного и сельскохозяйственного производства, который был охарактеризован как превышающий «экономический упадок времен Великой Депрессии в США»⁴, сокращение национального ВВП, переход к бартеру, доминирование сырьевых отраслей в общей индустриальной структуре страны, кризис в оборонной промышленности, технологическое отставание, неудачи с привлечением иностранных капиталов в российскую экономику, отток капиталов из страны и непрекращающееся уклонение от налогов⁵.

⁵⁰ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина. 2005. С. 166, 169; Данилов, Косулина. 2001. С. 323–324; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 356; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 348, 349–351, 359; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316–318, 319–320; Шестаков. 2000. 38–40, 70–71, 72, 79–80, 81, 133; Чубарьян. 2007. С. 238–239, 240; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 334–336, 348; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260, 274, 287, 308; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 293; Дмитренко и др. 1998. С. 502, 600–603; Пашков. 2002. С. 384, 386, 389; Волобуев и др. 2002. С. 289–290; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271, 297; Загладин и др. 2002. С. 330–331, 342; Островский, Уткин. 1999. С. 447; Островский. 2004. С. 464, 472, 473; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421, 433; Жарова, Мишина. 2003. С. 407–408; Киселев, Попов. 2007. С. 276–280; Якеменко. 2003. С. 238–240, 258.

² Данилов, Косулина. 2005. С. 166. Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 292; Шестаков. 2000. С. 70–71; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308; Киселев, Попов, 2007, с. 305.

³ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 341; Данилов, Косулина. 2005. С. 169; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 348; Алексашкина, Данилова, Косулина. 2006. С. 292; Волобуев и др. 2001. С. 334.

⁴ См.: Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 282.

⁵ См.: Данилова, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина. 2001. С. 323, 324; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 346,

Согласно нескольким учебникам, проводимая в этот период экономическая политика привела к зависимости от мирового рынка, непропорциональной роли топливно-энергетического и другого сырья в общей экспортной структуре, необходимости брать иностранные кредиты на кабальных условиях и огромному внешнему долгу⁶.

Наконец, учебники рисуют весьма неутешительную картину приватизационного процесса. В качестве его издержек приводятся нечестная практика залоговых аукционов с заранее известными победителями, предпочтение, отдаваемое бывшим директорам, провал ваучерной приватизации (учебники часто отмечают, что большинство населения было вынуждено продать ваучеры и акции за бесценок) и финансовые пирамиды под видом инвестиционных и паевых фондов. В итоге, приватизация принесла выгоду лишь небольшому числу россиян и не была поддержана широкими массами. Не поддержали ее, как пишут авторы учебников, и владельцы малого и среднего бизнеса⁷.

Хотя учебники и указывают на сложные структурные условия и экономический кризис, унаследованный Россией от Советского Союза, в качестве причин пробуксовки экономических реформ более часто они ссылаются на отсутствие правильного экономического планирования, многочисленные ошибки, допущенные правительством, включая непоследовательность, использование ошибочных моделей, непродуманность экономической стратегии, слепое следование западным советам в ущерб российским историческим и культурным особенностям, раздувание бюрократического аппарата, бездействие и отсутствие инициативы. Часто в учебниках подчеркивается

359; Шестаков. 2000. С. 46, 62; Чубарьян. 2007. С. 238–239; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 335–336; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260, 274, 308; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Долуцкий. 2002. С. 243; Пашков. 2002. С. 384, 389; Волобуев и др. 2002. С. 278, 284, 288; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271, 297; Волобуев и др. 2001. С. 334, 335; Загладин и др. 2002, с. 330–331, 342; Островский, Уткин. 1999. С. 447, 454–455; Островский. 2004. С. 468, 469; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Киселев, Попов. 2007. С. 276–280; Якеменко. 2003. С. 240, 244.

⁶ См.: Чубарьян. 2007. С. 238–239; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 287; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271; Волобуев и др. 2001. С. 335.

⁷ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 345; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316–318; Шестаков. 2000. С. 79–80, 86, 88; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 334; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 262, 263, 281; Алексашкина, Данилова, Косулина. 2006. С. 290–291; Загладин и др. 2002. С. 330–331; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Киселев, Попов. 2007. С. 276–277; Якеменко. 2003. С. 238–239, 258.

и отсутствие опыта у молодых реформаторов, постоянно испытывавших удивление по поводу полученных результатов¹. Несколько учебников также описывают общественное неприятие экономических реформ, чувство неуверенности, которое они принесли, и потерю веры общества в правительство².

Российская внешняя политика в 1990-е гг.: в основном отрицательные оценки. Десять учебников содержат положительные трактовки внешней политики, которую Россия вела в 90-е гг. Среди успехов российской дипломатии учебники приводят международное признание России после распада СССР, улучшение международной репутации страны и «успешное решение тех проблем, которые являются общими для всех народов и государств»³. В частности «90-е годы были временем становления новой российской дипломатии, постепенным осознанием национально-государственных интересов», когда удалось «дипломатическими средствами укрепить международную безопасность страны»⁴. Это был период, когда Россия «сделала важный поворот от преимущественного равенства на Запад к взвешенной политике в отношениях со все более расширяющимся кругом стран»⁵. Учебники также отмечают прорывы в отношениях с Китаем и Японией и членство России в престижных международных организациях, таких, как МВФ, Большая Восьмерка и Совет Европы⁶. В качестве ощутимых результатов такого членства учебники приводят многочисленные международные кредиты и гуманитарную помощь, выделенную России, что позволило ей смягчить последствия внутреннего экономического кризиса⁷. В качестве главного прорыва российской внешней поли-

тики на постсоветском пространстве учебники отмечают российско-белорусский союз⁸.

Более многочисленные негативные оценки постсоветской внешней политики можно разделить на две категории. Первая — это отсутствие четко выраженных национальных интересов и/или нежелание их защищать. Вторая — чрезмерно прозападная внешняя политика, проводимая в ущерб более сбалансированному курсу. Так, учебники прямо критикуют неправильное понимание распределения сил на международной арене после окончания холодной войны и как результат — неумение России сформулировать «внешнеполитическую концепцию, отвечающую ее национальным интересам», а также ослабление ее глобального и регионального влияния⁹. Но гораздо больше учебников обвиняют Запад и прозападную внешнюю политику 90-х гг., которая описывается как «чрезмерно прозападная позиция», «заискивание перед Западом», «односторонняя позиция», «нереалистическая политика», «очевидный прозападный крен», «ничем не подкрепляемые уступки», «романтизм молодых реформаторов», «слепое следование прозападным политическим курсом»¹⁰, за многочисленные неудачи, постигшие Россию в «ельцинский» период. Эти неудачи включали пренебрежение мнением России по поводу расширения НАТО, невозможность предотвратить Балканские войны и операцию в Ираке, неприемлемое решение по статусу Косова, ослабление миротворческого потенциала в израиле-палестинском конфликте и, наконец, долгий выход из экономического кризиса из-за отсутствия пакета экономической помощи, подобного плану Маршалла¹¹. В свою очередь, Запад обвиняется в том, что он «был не готов к равноправному партнерству с демократической, но слабой Россией», «игнорировал

¹ См.: Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 359; Шестаков. 2000. С. 38, 49, 135–136; Чубарьян. 2007. С. 238–239; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Долоцкий. 2002. С. 227, 247, 250; Дмитренко и др. 1998. С. 594, 600–603; Волобуев и др. 2002. С. 291; Загладин и др. 2002. С. 330–331; Островский. 2004. С. 464, 468–469; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Якеменко. 2003. С. 238.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 357; Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 333; Чубарьян. 2007. С. 240; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 348; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20.

³ Загладин и др. 2002. С. 362. См. также: Шестаков. 2000. С. 106, 111.

⁴ Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Загладин и др. 2002. С. 356.

⁵ Волобуев и др. 2001. С. 341. См. также: Левандовский, Щетинов. 2004. С. 362–363.

⁶ См.: Шестаков. 2000. С. 119, 122; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 362–363; Долоцкий. 2002. С. 240; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 27, 29, 31; Загладин и др. 2002. С. 355–356; Якеменко. 2003. С. 264.

⁷ См.: Долоцкий. 2002. С. 240; Жарова, Мишина. 2003. С. 427–428.

⁸ Шестаков. 2000. С. 117.

⁹ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 367. См. также: Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 354; Волобуев и др. 2001. С. 341; Жарова, Мишина. 1999. С. 428.

¹⁰ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 368; Данилов, Косулина. 2005. С. 186; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 336; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004, с. 360; Долоцкий. 2002. С. 239; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Волобуев и др. 2001. С. 337; Киселев, Попов. 2007. С. 284; Якеменко. 2003. С. 264.

¹¹ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 369; Данилов, Косулина. 2005. С. 186–187; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 333–336; Шестаков. 2000. С. 107, 108; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 360, 368; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 296–297, 298, 299, 301; Долоцкий. 2002. С. 238–239; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Волобуев и др. 2001. С. 37; Загладин и др. 2002. С. 357–358; Островский, Уткин. 1999. С. 461; Жарова, Мишина. 1999. С. 428; Киселев, Попов. 2007. С. 284; Якеменко. 2003. С. 264.

дружественные жесты России», предоставлял «хаотичную помощь коррумпированным западным российским политикам для достижения неопределенных целей» или вообще уклонялся «от предоставления помощи ... по целому ряду причин» и практиковал «политику двойных стандартов»¹. Наконец, 12 учебников упоминают отсутствие эффективной восточной внешней политики, неудавшуюся интеграцию СНГ в настоящий союз, подобный ЕС, потерю традиционных сфер российского влияния на постсоветском пространстве, с одной стороны, и чрезмерные уступки бывшим советским республикам, с другой².

Российская культура и образование в 1990-е гг.: в основном негативные оценки. Учебники истории уделяют довольно мало внимания описанию и оценкам культурных и образовательных процессов, происходивших в 90-е гг. В целом же эти процессы представлены в негативном свете, хотя бывают и положительные комментарии. Так, два учебника утверждают, что «90-е гг. характеризуются бурным ростом новых учебных заведений», «вновь наблюдается рост интереса молодежи к получению высшего образования»³, что не могло не привести к увеличению числа студентов «впервые в истории страны ... до 646 человек на 10 тыс. населения»⁴. Среди других позитивных итогов учебники отмечают свободу культурного выбора направлений и расцвет новых творческих направлений после долгих лет идеологического подавления⁵. Еще одним важным элементом 90-х гг. стало религиозное возрождение, которое «активно способствовало утверждению в российском обществе мира и согласия, доброты и соучастия в отношениях между людьми»⁶.

Однако в целом общая ситуация в российской культуре, религиозной жизни и образовании представлена в учебниках весьма негативно. Авторы часто с горечью пишут об «утечке мозгов» и культурной эмиграции, происходив-

ших в 1990-е⁷. Они также отмечают низкий культурный уровень населения, доминирование иностранных культурных продуктов самого низкого качества и погоню за западными материалистическими ценностями⁸. Несколько авторов описывают падение уровня образования и научных исследований⁹. Другие пишут о культурном кризисе и о том, что культура перестала влиять на общественную жизнь¹⁰. Наконец, некоторые учебники критикуют излишнюю религиозную толерантность, позволившую проникнуть в Россию «самым разным религиозным сектам и течениям, в том числе и радикальным», включая сатанистов, Свидетелей Иеговы и саентологов (так авторы учебников именуют данные религиозные группы)¹¹. Все эти факторы, вместе взятые, привели, по мнению авторов учебников, к «падению нравов и росту преступности» и к общему «духовному растлению»¹².

Общая оценка 1990-х гг.: противоречивое десятилетие. «Противоречивый» — это наиболее часто упоминаемый в учебниках эпитет при оценке 90-х гг. Семь учебников используют его в качестве организующего принципа при описании экономических реформ, их курса и последствий, часто называя этот период «полным противоречий»¹³. Четыре учебника рассматривают российскую внешнюю политику в 90-е гг. как «противоречивую» смесь «нового и старого», «поражений и успехов»¹⁴. Культурное развитие России в этот период описывается как «противоречивое» в трех учебниках, которые

¹ Шестаков, 2000, с. 107; Данилов, Уткин, Филиппов, 2008, с. 298, 301; Островский, Уткин, 1999, с. 46; Загладин и др., 2002, с. 357.

² См.: Данилов, Косулина. 2001. С. 333, 336; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 370; Шестаков. 2000. С. 115; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 336; Долуцкий. 2002. С. 241; Пашков. 2002. С. 399, 401; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 29; Загладин и др. 2002. С. 360; Загладин, Симония. 2006. С. 416; Жарова, Мишина. 1999. С. 428; Жарова, Мишина. 2003. С. 432; Киселев, Попов. 2007. С. 283.

³ Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 351.

⁴ Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 291.

⁵ См.: Шестаков. 2000. С. 96–97; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 348; Киселев, Попов. 2007. С. 293.

⁶ Левандовский, Щетинов. 2004. С. 343. См. также: Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 302.

⁷ См.: Шестаков. 2000. С. 95; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 351; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 320; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 345–346; Пашков. 2002. С. 385; Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. История отечества XX века. 9 класс. М.: Русское Слово, 2006. С. 374; Киселев, Попов. 2007. С. 278, 291; Якеменко. 2003. С. 240.

⁸ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 354; Данилов, Косулина. 2005. С. 180; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 372; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 392; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 301.

⁹ См.: Чубарьян. 2007. С. 279; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 292; Киселев, Попов. 2007. С. 291.

¹⁰ См.: Шестаков. 2000. С. 86; Чубарьян. 2007. С. 279; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 348.

¹¹ См.: Данилов, Косулина. 2005. С. 181. См. также: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 377; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 344; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 302.

¹² Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 354; Данилов, Косулина. 2005. С. 180.

¹³ Данилов, Косулина. 2005. С. 168; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 343; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 359; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 293, 304; Пашков. 2002. С. 385; Волобуев и др. 2001. С. 333.

¹⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 371–372; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 386–387; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 354; Островский. 2004. С. 461.

утверждают, что, «с одной стороны, деятели отечественной литературы, искусства получили то, за что они активно боролись — свободу творчества, ликвидацию партийного контроля, цензуры. Но, с другой стороны, последовало резкое падение культурного уровня населения»¹.

В целом учебники рассматривают постперестроечный период как очень неоднозначное десятилетие, в котором были нечастые прорывы, но частые провалы. Однако полностью степень негативного отношения авторов учебников к 90-м гг. вырисовывается только в сравнении с описанием периода президентства В.В. Путина. В отличие от «ельцинского» периода, который на страницах учебниках предстает как в лучшем случае противоречивый, а в худшем — весьма проблематичный, следующий этап новейшей российской истории описывается гораздо более позитивно, если не сказать — хвалебно. Выражаясь словами одного из учебников, «с приходом к власти президента В.В. Путина начался новый этап в развитии России. Россияне с оптимизмом стали смотреть в будущее, ощущая тот положительный перелом, который происходит в жизни государства. Новый этап реформ позволил стране динамично развиваться во всех направлениях — в экономике, социальной сфере, внутренней и внешней политике». Еще один учебник делает вывод, что, «подводя итоги, следует сказать, что за последние несколько лет был найден ответ на ряд серьезных политических, экономических и социальных вопросов»². Таким образом, исследуемый нами период представлен на страницах учебников в весьма противоречивом и, вообще говоря, негативном свете.

Период президентства В.В.Путина: в основном положительные оценки. Высказывания по поводу ослабления государства при Б.Н. Ельцине приобретают еще более критический характер при сравнении с описаниями госполитики «путинского» периода, содержащимися в учебниках истории. По мнению их авторов, новая политическая элита и особенно президент Путин не в пример прежнему политическому руководству поставили госстроительство во главу своей политической повестки дня. В учебниках приветствуется укрепление федерального Центра, создание вертикали власти, административная реформа, ликвидация несоответствий между федеральными и региональными за-

конами, государственная поддержка армии, антикоррупционная кампания и улучшение криминогенной обстановки. «Принятые меры свидетельствовали о начале широкой реформы государственных структур в интересах укрепления единства России и повышения эффективности и слаженности системы государственного управления. Федеративное государство, которое в конце 90-х находилось на грани превращения в конфедерацию, при Путине укрепилось. Удалось обеспечить государственное единство населения Российской Федерации народов»³.

Особенно положительно авторы учебников описывают проведение В.В. Путиным второй чеченской кампании, действия властей по нормализации ситуации в этой республике политическими и экономическими средствами и обеспечение поддержки со стороны чеченского населения курса федеральных властей. Авторы учебников утверждают, что «существенные успехи были достигнуты в разрешении проблемы Чечни». В их числе приводятся «решительные действия правительства, начавшего контртеррористическую операцию в Чечне» и «политические изменения [в Чечне, которые] были очевидны для каждого»⁴.

Успешные административные реформы сопровождались, по мнению авторов учебников, и политическими успехами. Они отмечают появление гражданского общества в союзе с государством, модернизацию партийной системы, политическую стабильность, взаимное сотрудничество всех ветвей власти и в целом позитивный политический климат, отсутствие конфликтов и сокращение влияния олигархов и других корпоративных интересов в политике как положительные достижения «путинского» периода⁵. При этом возникает отчетливый

³ Киселев, Попов. 2007. С. 296. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 373; Данилов, Косулина. 2005. С. 195; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 393; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 341–342; Чубарьян. 2007. С. 249; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 354; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 38; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 300, 301; Волобуев и др. 2007. С. 298–299, 301; Островский, Уткин. 1999. С. 457; Островский. 2004. С. 453; Жарова, Мишина. 2003. С. 456–459.

⁴ Якеменко. 2003. С. 283; Загладин и др. 2002. С. 348; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 315. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 330–332; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 349, 356; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 289; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 282; Волобуев и др. 2007. С. 290; Загладин и др. 2006. С. 363–364; Островский, Уткин. 1999. С. 460; Островский. 2004. С. 259; Жарова, Мишина. 2003. С. 322; Киселев, Попов. 2007. С. 298.

⁵ См.: Левандовский, Щетинов. 2004. С. 351; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 315; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 36; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 299; Волобуев и др. 2007. С. 298; Загладин и др. 2002. С. 348, 350.

¹ Данилов, Косулина. 2001. С. 327. См. также: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 377; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 360.

² Жарова, Мишина. 2003. С. 471; Якеменко. 2003. С. 290.

контраст с политическими проблемами времен 90-х гг. Тогда как Ельцин часто описывается как человек с плохим здоровьем, нередко отсутствовавший на своем посту и не занимавшийся ежедневной рутинной государственного управления, Путин встает со страниц учебников как энергичный, молодежавый, подтянутый, компетентный, прагматичный, умный, решительный и тяготеющий к политическому центру, одним словом, как невероятно популярный лидер, «который все время был среди людей: в Чечне, на Дальнем Востоке, в Санкт-Петербурге, в Москве» и который «попал в точку ... появился в нужное время в нужном месте и нашел правильные слова»¹.

Учебники также содержат более чем хвалебные описания экономических успехов, достигнутых в «путинский» период; они выгодно контрастируют с многочисленными просчетами «ельцинского» этапа. Так, во время президентства В.В. Путина «в экономической жизни страны произошли заметные перемены», которые «не могут не поразить непредвзятого наблюдателя». Вслед за экономической стабилизацией, последовал экономический рост (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве), была осуществлена аграрная реформа, упрощены налоговый и таможенный кодексы и наконец-то заработали рыночные механизмы. Россия также смогла сократить импорт товаров широкого потребления, сама начав экспортировать зерновые (впервые за много лет); она достигла положительного торгового баланса и профицита бюджета и стала вовремя выплачивать проценты по иностранным кредитам². В учебниках описано и улучшение социальных условий, включая повышение зарплат и пенсий (как, впрочем, и регулярность их выплат), улучшение жизненных условий, большее присутствие государства в социальной сфере и как

¹ Волобуев и др. 2001. С. 344; Шестакову, Горинову, Вяземскому. 2001. С. 361 См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 353; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 338, 345; Чубарьян. 2007. С. 249; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. с. 292; Загладин и др. 2002. С. 352–353; Островский, Уткин. 1999. С. 457–460; Жарова, Мишина. 2003. С. 422, 432, 454; Киселев, Попов. 2007. С. 284.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 375; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 339. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 377; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 338; Чубарьян. 2007. С. 254; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 348–349, 356, 357; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России. XX–начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2007. С. 354; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 320, 327; Пашков. 2002. С. 390, 406; Волобуев и др. 2002. С. 292; Волобуев и др. 2007. С. 298, 300; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 33, 34; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 297–298; Загладин и др. 2002. С. 352–353, 363; Загладин, Симония. 2006. С. 416; Островский, Уткин. 1999. С. 460; Островский. 2004. С. 469; Жарова, Мишина. 2002. С. 464–465; Киселев, Попов. 2007. С. 302–304; Якеменко. 2003. С. 283.

результат улучшение демографической ситуации и ослабление социальной напряженности³. Пять учебников также отмечают положительные изменения в сфере науки, культуры и образования, которые возродились при финансовой поддержке государства, тем самым усилив чувства патриотизма среди населения⁴.

Наконец, учебники представляют «путинскую» внешнюю политику в гораздо более выгодном свете. Она описывается как сбалансированная и независимая, отвечающая национальным интересам, более артикулированная, решительная и предсказуемая. Благодаря новому политическому курсу, Россия, по мнению авторов учебников, достигла несомненных успехов, включая налаживание отношений с соседями по СНГ, полное членство в Большой Восьмерке, укрепление международного престижа страны, улучшение ее международной репутации, а также возврат на международную арену в качестве ключевого игрока. Российская внешняя политика, согласно учебникам истории, даже заслужила весьма положительные оценки зарубежом, так как «отстаивание интересов России и сохранение возможностей диалога с Западом, стабилизирующая роль России в современном мире все больше признается и оценивается нашими внешнеполитическими партнерами»⁵.

Хотя описание «путинского» периода в учебниках истории является чрезвычайно положительным, несколько из них все-таки упоминают остающиеся проблемы, которые правительство так и не смогло решить. Среди этих проблем – непрекращающиеся угрозы терроризма и вынужденные переселенцы из Чечни⁶, неразвитая система политических

³ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 381; Чубарьян. 2007. С. 254–255; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 358; Левандовский, Щетинов, Мироненко. 2007. С. 354; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308, 320, 326; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2003. С. 292; Пашков. 2002. С. 406; Волобуев и др. 2002. С. 292; Они же. 2005. С. 292; Они же. 2007. С. 298, 301; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 33; Они же. 2004. С. 299; Островский, Уткин. 1999. С. 457, 460; Островский. 2004. С. 470; Жарова, Мишина. 2003. С. 464; Киселев, Попов. 2007. С. 305.

⁴ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 343; Чубарьян. 2007. С. 279; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 359; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 357; Загладин и др. 2006. С. 374.

⁵ См.: Жарова, Мишина. 2003. С. 429. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 381; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 398; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 363, 365, 368; Левандовский, Щетинов, Мироненко. 2007. С. 367; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 340–341, 343–344; Долоцкий. 2002. С. 241; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 306; Волобуев и др. 2007. С. 308; Жарова, Мишина. 2003. С. 432, 469; Якеменко. 2003. С. 286.

⁶ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 342; Чубарьян. 2007. С. 247; Левандовский, Щетинов, Мироненко, 2007. С. 355; Волобуев, Кулешов. 2004, с. 282.

партий и практическое отсутствие гражданского общества, доминирование государства в общественной жизни¹, экономическая стагнация и медленный экономический рост, инфляция, низкая международная конкурентоспособность российской экономики, зависимость от экспорта сырья, увеличение импорта², остающиеся социальные проблемы бездомности, социальной стратификации и преступности³ и неспособность российской внешней политики остановить западное, особенно американское приближение к российским границам⁴. Однако эти критические замечания являются по существу лишь небольшими частными деталями, сделанными в большом потоке весьма лестных пассажей об этом периоде.

Таким образом, хотя среди рассмотренных учебников наблюдаются некоторые незначительные расхождения, в целом весь массив текстов нашей выборки характеризует значительная общность подхода к описанию постсоветского периода российской истории. 1990-е гг. представлены в них в основном (хотя и не исключительно) как негативный период в отечественной истории, особенно в сравнении с последовавшим за ними президентством В.В. Путина. Именно такие трактовки и изуча-

ют школьники в ходе обязательных занятий по истории в российских школах. Как показывают проведенные авторами интервью с представителями политически активной молодежи, состоящими в прокремлевских движениях «Наши», «Молодая Гвардия» и «Россия Молодая»⁵, их оценки первого постсоветского десятилетия в очень сильной степени совпадают с трактовками, содержащимися в изученных нами учебниках. И так как учебники истории являются одним из универсальных факторов политической социализации, через которую проходят все российские школьники, их содержание во многом предопределяет политические воззрения современной российской молодежи.

На данный момент можно констатировать, что устойчивая официальная интерпретация 1990-х гг. уже сформировалась: нестандартные трактовки либо исчезли из более поздних изданий, либо исчезли сами учебники, их содержащие. Хотя многие из нас еще хорошо помнят первый постсоветский период, молодежь формирует свое мнение об этой эпохе именно по учебникам истории и потому не удивительно, что политические фигуры и символы того времени пользуются такой низкой популярностью в молодежной среде.

¹ См.: Киселев, Попов. 2007. С. 300.

² См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 339; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 328; Волобуев и др. 2007. С. 300.

³ См.: Волобуев, Кулешов. 2004. С. 296, 299.

⁴ См.: Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 336.

⁵ Интервью с активистами движения «Россия Молодая» 30 июня–7 июля 2008 г., интервью с активистами движения «Наши» 8–9 июля 2008 г. и интервью с активистами движения «Молодая Гвардия» 14, 17, 21 и 24 июля 2008 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АШКИНАЗИ Леонид Александрович (МИЭМ)

БАТТЕРФИЛД Джон (Западно-Мичиганский университет, Каламазу, США)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (ГУ ВШЭ)

ГАЙНЕР Мария Львовна (МИЭМ)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

ЗОРКАЯ Наталья Андреевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КУЗНЕЦОВА Алла Владимировна (независимый исследователь)

ЛЕВИНТОВА Екатерина (Университет Висконсина, Грин-Бэй, США)

МИШЛЕР Уильям (Университет Аризоны, Туксон, США)

РОУЗ Ричард (Университет Абердина, Шотландия)